

Тан Буфань проснулся глубокой ночью оттого, что жилой фургон ощутимо покачивало. В уши ввинчивался резкий металлический скрежет — словно кто-то упорно бился о внешнюю броню. С трудом разомкнув веки, он попытался сориентироваться в кромешной темноте.

Сквозь полумрак проступил рослый, плечистый силуэт. Это был Лу И — он как раз собирался выбраться наружу через потолочный люк.

— Это кабаны, — Лу И повернулся, блеснув золотисто-зелёными звериными зрачками. — Спите, учитель, я мигом их разгоню.

Но какой уж тут сон. Тан Буфань, всё ещё сонный и дезориентированный, попытался спустить ноги с койки на железном каркасе. Позабыв про раненую ногу, он перенёс на неё вес — и бедро тут же прошила острая, режущая боль.

Вспышка боли мгновенно выбила остатки сна. Лу И уже протискивался в люк, но Буфань среагировал быстрее — выбросил руку вперёд и мёртвой хваткой вцепился парню в щиколотку.

— Не смей, — тихо, но твёрдо выдохнул Тан Буфань, задирая голову. — Еды у нас пока хватает, незачем нарываться. Давай просто уедем.

Их автодом, переделанный из тяжёлого грузового бронетранспортёра типа В, весил немало, но сейчас его раскачивало так, будто снаружи навалилась разъярённая толпа. Диких кабанов там собралось достаточно.

— Садитесь за руль, а я только гляну, что там, — глухо отозвался Лу И. — Всё будет нормально, не переживайте.

Твари не стали бы ломиться к глухой броне посреди ночи без веской причины. В машине не пахло едой, а значит, снаружи происходило что-то ещё, привлекавшее их внимание.

Понимая, что упрямца не переубедить, Тан Буфань лишь обречённо вздохнул:

— Если вылезешь — сразу принимай звериный облик.

Лу И на секунду замер, а затем коротко кивнул в темноте.

Ладонь Буфана разжалась. Юноша бесшумно скользнул на крышу и затворил за собой люк.

Прихватив охотничье ружьё, Тан Буфань, припадая на раненую ногу, поспешил в кабину. Он опустил в водительское кресло, и на лобовом стекле мгновенно вспыхнули пять полупрозрачных экранов с внешних камер наблюдения.

— Почему молчал? Где тревога? — с досадой спросил Тан Буфань, обращаясь к бортовому компьютеру.

— Рядом был Лу И, — мягким, вкрадчивым мужским баритоном отозвался искусственный интеллект Братец Кай. — Мне хотелось, чтобы вы отдохнули, учитель Тан.

— Кажется, Лу И перемудрил, когда обновлял твои схемы. Совсем тебя лишил логики, — проворчал Буфань, вглядываясь в мониторы.

Всего камер было шесть — со всех сторон машины, плюс сверху и снизу. Бортовой искин вывел на лобовое стекло все ракурсы, кроме вида под днищем.

Картина не радовала: с левой стороны фургона бурлило живое месиво. Огромные мутировавшие кабаны, шумно отдуваясь и хрюкая, неистово рыли пятаками землю и жадно что-то пожирали во мраке. На крыше, уперев руки в колени, притаился Лу И. Он внимательно наблюдал за ними сверху.

Тан Буфань нахмурился: парень до сих пор не сменил облик. Дикая свинья постапокалипсиса — противники не менее свирепые, чем волки. Пусть они не столь изворотливы, но многопудовая туша, закованная в мышечный панцирь и несущаяся напролом, сносит препятствия не хуже тарана. Попадись им Лу И в человеческом облике — костей не соберёт.

— Просил же обернуться... — пробормотал себе под нос Буфань и скомандовал искину: — Трогай, уходим.

— Принято, Сяо Тан, — отозвался Чжао Кай.

Тяжёлый двигатель глухо заворчал, приводя бронемашину в движение. Тан Буфань скользнул взглядом по приборной панели: уровень заряда батарей упал до критических одиннадцати процентов. Днём им пришлось долго уходить от волчьей стаи, и аккумуляторы выжались почти под ноль.

— Как только заряд упадёт до пяти процентов — глуши мотор, — распорядился Буфань. — Нам нужно питать холодильник, морозильную камеру и теплицу на крыше. Их жизнеобеспечение в приоритете.

— Понял вас, Сяо Тан.

Под управлением Чжао Кая бронифургон плавно и не торопясь покатился сквозь ночную пустыню. Кабаны даже не подумали преследовать их — они так и остались копошиться на месте, увлечённые своей кровавой трапезой. Разглядывая удаляющиеся силуэты на экране, Тан Буфань наконец облегчённо выдохнул.

Послышался негромкий щелчок, и Лу И спустился обратно в жилой отсек. Спрыгнув на пол, он подошёл к Тан Буфаню сзади и наклонился к самому его уху:

— Две из тех волчьих туш, что мы выбросили днём, приволокли сюда кабанов. Похоже, они решили, что стоя где-то рядом, почуяли след и наткнулись на лёгкую добычу. Теперь доедают.

Тан Буфань резко повернул голову и оказался лицом к лицу с юношей — слишком близко, так что почувствовал его горячее дыхание. Смутившись, он поспешно отодвинулся глубже в кресло.

Лу И скользнул взглядом по тускло светящимся индикаторам приборной панели и нахмурился:

— Энергия на исходе.

— Проедем ещё немного и встанем на ночлег, — Тан Буфань устало потёр переносицу. Фургон был слишком старым, латанным-перелатанным, и требовал колоссальных ресурсов.

Выпрямившись, парень направился вглубь кузова к стеллажам.

— Где у нас шланг? Левый борт заляпан кровью, надо смыть, пока не присохла.

Иначе запах свежей крови соберёт со всей округи новых хищников.

— Шланг на кухне, в шкафчике под раковиной, — ответил Буфань, но тут же осёкся и покачал головой: — Стой, не надо шланг. Набери лучше таз и обойдись тряпкой. До ближайшей заправочной станции ещё бог весть сколько пилить, воду нужно беречь.

— Хорошо.

Когда броневик отъехал на безопасное расстояние и замер, Тан Буфань вернулся в постель. Сон сморил его мгновенно. Стоило закрыть глаза, как сознание провалилось в спасительную пустоту, а когда он снова открыл их, сквозь щели в занавесках уже вовсю пробивался яркий дневной свет.

Лу И спал прямо на полу, подстелив выдавший виды пыльный матрас. Одеяла на нём не было — душный, спёртый воздух фургона едва охлаждали плотно задёрнутые шторы, защищавшие салон от безжалостного зноя.

Тан Буфань впервые видел своего спутника таким — беззащитным, крепко спящим. Обычно парень поднимался задолго до рассвета и встречал его уже на ногах.

Семнадцатилетний зверолоуд спал, разметав по матрасу густые золотистые волосы. Его белая майка давно потемнела: сколько её ни стирай, бурые следы от вьевшейся крови токсичных людей не отходили. У края матраса сиротливо жались аккуратно снятые армейские ботинки и белые носки. Ткань на них тоже застиралась до полной потери цвета, а на одном из пальцев зияла приличная дыра.

Тан Буфань свесил с железной койки худые, бледные ноги. Опустив взгляд на спящего юношу, он ощутил, как к горлу подкатывает тяжёлый, болезненный ком. Родные холили и лелеяли этого красивого, сильного мальчика, а теперь он вынужден влачить жалкое существование в этой ржавой жестянке.

И всё из-за него. Чэнь Фэй тоже когда-то пошёл за ним — и теперь его нет в живых.

В удушливом мареве кабины Буфань незаметно смахнул набежавшую слезу, растерев покрасневшие уголки глаз. Бесшумно, босыми ногами коснувшись пола, он осторожно перешагнул через спящего Лу И, прокрался к стеллажу и достал потрёпанную шкатулку с нитками и иглами.

Вернувшись назад тем же тихим шагом, он подобрал с пола дырявые носки, устроился на краю кровати и принялся за шитьё.

На самом деле Лу И давно проснулся. Едва Тан Буфань занёс над ним ногу, парень уловил его тонкий, ни с чем не сравнимый запах. Не желая нарушать момент, он притворился спящим, подержал веки сомкнутыми ещё с минуту и лишь затем неторопливо открыл глаза.

Перед ним сидел этот до крайности изнурённый, бледный человек, сосредоточенно прикусывая кончик нити бледными губами.

— Разбудил всё-таки? — Тан Буфань бросил на него короткий взгляд и попытался вдеть нитку в игольное ушко, но пальцы предательски дрожали.

— Давайте я, — Лу И резко приподнялся на локтях и протянул руку, безмолвно прося отдать ему шитьё.

Глядя на свои безвольно трясущиеся ладони, Тан Буфань лишь горько усмехнулся и покорно передал ему иглу.

— Почему молчал, что носки порвались? — он привычным жестом заправил отросшую прядь за ухо. — Каково в дырявых-то ходить. Натирает ведь.

Его волосы, пусть и уступали по длине золотой гриве Лу И, уже спускались ниже лопаток. Последний раз он стригся года два назад, а потом просто махнул рукой — не до того стало.

— Да они только позавчера порвались, — Лу И ловко, одним движением укротил нитку и потянулся к Буфаню. — Отдайте, учитель. Они... пахнут не очень.

Юноша заметно смутился, на его щеках проступил лёгкий румянец — не хотелось обременять Тан Буфania такой работой.

— Подумаешь, напугал. От меня самого разит за версту, — мягко улыбнулся Тан Буфань и решительно отобрал иглу назад. — Давай сюда.

— Я сам справлюсь, — запротестовал было Лу И.

— Справишься он... А узел кто завязывать будет? — Буфань кивнул на сиротливо свисающий хвостик нити.

Лу И осёкся. Он умел перебирать движки, отслеживать мутантов в пустошах, свежевать дичь, но обращаться с иглой его, разумеется, никто никогда не учил.

— Дай мне, — повторил Тан Буфань. В его голосе прозвучало тихое, но твёрдое упрямство. Ему отчаянно нужно было чувствовать себя полезным, а не обузой.

Поколебавшись секунду, Лу И послушно убрал руки.

— Братец Кай, как там с батареями? — Лу И перевёл взгляд на мигающий объектив камеры под потолком.

— Двадцать три процента, — отозвался бодрый голос искина.

— Который час?

— Десять часов двадцать девять минут утра.

— Значит, стоять нам тут до самой ночи, — вздохнул Буфань, усердно орудуя иглой. — Вчера высосали всё до капли.

— Ближе к сумеркам попробуем продвинуться дальше. Вдруг повезёт наткнуться на ту заправку, — Лу И снова уставился на Тан Буфania. Свободные серые домашние шорты и застиранная футболка висели на его истощённом теле мешком. Сальные волосы слиплись тяжёлыми прядями.

— Если там уцелела скважина, сможем нормально помыться, — Лу И брезгливо повёл плечом и принялся к собственному вороту. От него и впрямь несло потом и пылью.

Он снова посмотрел на учителя. Тот бережно держал его заношенный носок, аккуратно выводя ровные стежки. Лу И почувствовал, как к лицу приливает жар.

— Послушайте... Давайте я всё-таки сам, — парень подался вперёд, пытаясь перехватить шитьё.

Тан Буфань даже не поднял головы. Удерживая иголку в одной руке и натянув носок на другую, он инстинктивно вскинул ногу и мягко упёрся босой подошвой Лу И в грудь, не позволяя подойти ближе.

— Сказал же — я заштопаю, значит, я, — строго осадил его Буфань, наконец удостоив юношу суровым взглядом. — Вернись на место.

Этот несильный, почти невесомый толчок босой ноги мгновенно лишил Лу И всякого желания спорить. Тан Буфань был старше его на добрый десяток лет, к тому же оставался его учителем. И пускай ростом он едва доставал рослому зверолюду до плеча, его строгий, непреклонный тон не терпел возражений.

Парню оставалось лишь послушно усесться обратно на свой матрас, скрестив ноги.

Буфань опустил ногу. Его взгляд скользнул по взъерошенному, чумазому подростку. Золотая цепочка на шее и аккуратная серебряная серьга в мочке уха безмолвно напоминали о том, в какой роскоши этот мальчик рос до встречи с ним. Тан Буфань помрачнел.

— Лето уже на исходе, — тихо заговорил он, не прерывая мерного движения иглы. — Ты не думал о том, чтобы вернуться домой? В твоей Академии Командиров скоро начнётся семестр.

Лу И замер. Слова учителя прозвучали как ушат ледяной воды, мгновенно остудив душный воздух фургона.

— Я не вернусь, — отрезал он, и его голос заметно посуровел. — А за мою учёбу не переживайте. Последний год перед выпуском у нас отведён под практику.

Немного помолчав, он добавил тише, словно оправдываясь:

— Вылазки в мёртвые зоны тоже засчитываются. Я просто составлю подробный отчёт о нашем маршруте и отправлю на кафедру. Моих прошлых баллов с лихвой хватит, чтобы получить диплом.

Тан Буфань слабо разбирался в тонкостях военного образования, но понимал одно: парень гробит свою жизнь рядом с ним.

— Ты замечательный мальчик, Лу И, — с грустной улыбкой произнёс Буфань. — Но вот учитель из меня вышел никудышный. Я слаб, бесполезен... и единственное, что я могу сделать для тебя сейчас как старший — это попытаться наставить на верный путь.

Он поднял глаза, и в их влажной глубине отразилась неприкрытая боль.

— Ты сын градоначальника. Твоё будущее — командовать армиями. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

Лу И растерянно моргнул. Он смотрел на этого осунувшегося, истощённого человека с мертвенно-бледной кожей, и видел в его тёмных глазах столько искренней, бескорыстной заботы, что вся его напускная суровость растаяла без следа.

Тяжесть, давившая на грудь, внезапно сменилась странной лёгкостью.

Немного поразмыслив, Лу И тихо спросил:

— А что для вас счастье, учитель?

Теперь настала очередь Тан Буфania удивлённо замереть. Их взгляды встретились. Глаза юноши смотрели на него с такой непоколебимой, граничащей с упрямством серьёзностью, что этот немой вопрос отозвался в душе Буфania звонким ударом колокола.

И в этот миг до него дошло.

— Ой... — только и смог выдать Тан Буфань, смешно приоткрыв рот.

— Ой, — в тон ему передразнил Лу И, точно так же приоткрывая губы.

Щёки Буфania вспыхнули пунцовым цветом, но он не сдержался и негромко рассмеялся.

— Не паясничай! — шутливо рассердился он, делая строгое лицо. — Я вообще-то серьёзно с тобой разговариваю.

— Я знаю, — Лу И мягко улыбнулся одними уголками губ.

Тан Буфань сощурился:

— Считаешь меня старым занудой, да?

— Вовсе нет.

— Ладно, бог с тобой, — Буфань со вздохом вернулся к носку. — Поступай как знаешь. Раз уж тебе так нравится скитаться по этой Богом забытой пустыне и делить со мной последние крохи.

— Мне не тяжело, — негромко ответил Лу И.

Глядя на порозовевшие от смущения щёки учителя, он поймал себя на мысли, что этот хрупкий человек сейчас кажется ему невероятно милым. Лу И не знал, в чём заключается пресловутое счастье, но одно он ведал наверняка: рядом с Тан Буфанем его душа наконец обретала покой.

Вскоре штопка была закончена, а к обеду Лу И приготовил нехитрую похлёбку. Весь оставшийся день они провели в тишине, пока фургон жадно впитывал крохи солнечной энергии. Лишь следующим утром, когда аккумуляторы наконец заполнились под завязку, тяжёлая машина вновь пришла в движение.

Раскалённый ветер гнал по бескрайней пустоши тучи жёлтой пыли. Вдруг далеко впереди, на самой границе выжженного горизонта, проступили неясные очертания приземистого серого строения.

<http://bllate.org/book/19039/1950539>